

Сеть как форма организации академического сообщества: российский контекст

Продемонстрирован сетевой характер научной деятельности. Представлена социальная морфология исследовательской сети, методологическим основанием которой служат изыскания Б. Латура. Используя сетевую методологию для анализа российского академического сообщества, авторы обсуждают ряд проблем эпистемологического свойства: о генезисе знания, о критериях истинности, об особенностях организации прикладных и фундаментальных разработок.

Поскольку научные факты производятся внутри лабораторий, то для обеспечения их свободного распространения необходимо создать дорогостоящие сети, внутри которых будет поддерживаться их хрупкая эффективность. *Если это значит превратить общество в большую лабораторию, то так оно и будет.* Распространение лабораторий в те области, которые за несколько десятилетий до этого не имели ничего общего с наукой, является хорошим примером построения подобных сетей.

Бруно Латур

Введение. Когда сегодня пытаются понять, как организовано академическое и всякое другое сообщество, то чаще всего прибегают к понятию «сети». «Научно-образовательные сети», «сети диаспор», «НТО-сети», «коллективный сетевой актор» и множество других вариаций этого понятия указывают на его чрезвычайную популярность в научной и массмедийной среде вне зависимости от области применения — будь-то политические объединения, исследовательские лаборатории, бизнес-сообщества. Мода на это понятие объясняется тем, что оно точно схватывает особенность коммуникативных процессов между социальными агентами: цепочки связей выстраиваются по типу коммуникаций «во всемирной паутине». Но если

на уровне здравого смысла такое словупотребление вполне допустимо, то в теоретических конструкциях понимание под «сетью» всего лишь системы «линий связи» ведет к упрощению, сужению семантического поля, замутнению содержания этого понятия. В связи с этим важно проблематизировать его значение и понять, какие способы организации научных исследований следует отнести к сетевым и как они эволюционировали за последние десятилетия.

Социальная морфология сети. Сетевая организация социальной активности (научной, религиозной, политической) существовала задолго до появления Интернета — ее появление относят, по крайней мере, к Новому времени. Поэтому клю-

чевая роль принадлежит здесь не техническим каналам коммуникации (цифровым, железнодорожным, телеграфным, телефонным и т.д.).

Что же способствует установлению коротких цепей, которые связывают гетерогенные, на первый взгляд, социальные группы в прочные альянсы? Почему кому-то удается распространить свое влияние и навязать свой интерес некогда незаинтересованным группам, а кому-то — нет? Для ответа на этот вопрос обратимся к ставшим уже хрестоматийными исследованиям Бруно Латура.

Французский социолог обращался к истории, «чтобы обнаружить механизмы, которые могут позволить... понять одновременно содержание науки и ее контекст» [1, с. 12]¹. Он показал, что наука связана с реализацией какого-либо проекта, преследующего практическую цель, и рассматривал историю науки как смену таких проектов. В центр своих социологических штудий он поместил фигуру Луи Пастера и реконструировал его шаги по распространению вакцины во Франции. «Пастер с самого начала своей карьеры ученого был экспертом по завоеванию интересов различных групп и по убеждению их представителей в том, что их интересы были неотделимы от его собственных», — заметил Б. Латур [2, с. 10]. Таким образом, ключевым моментом формирования сети является интерес. Интерес у Латура — это «гибкое понятие» [3, с. 32], а не фиксированное и уже существующее у других социальных акторов. Он создается, чтобы привлечь некогда неангажированные социальные группы в свой проект.

Луи Пастер перенес свою лабораторию в полевые условия, работал на ферме. Он намеревался установить факт, согласно которому причиной сибирской язвы является определенный микроб, который изучали в его лаборатории. Тем самым

был сделан первый шаг: сконструировано отношение между заболеванием и микробом, между лабораторией в Париже и фермой в Боссе, которые прежде не представляли друг для друга никакого интереса. Лаборатория вызвала любопытство, интерес, который надо было удерживать. Вторым шагом явилось возвращение лаборатории в Институт и разворачивание исследований с модифицированными микробами. Широкие заинтересованные группы — ветеринары, фермеры, гигиенисты — поняли, что эти манипуляции с микробами имеют отношение к их профессиональной деятельности. Б. Латур пишет: «Если культивация микробов была только любопытна, а репродуцирование эпизоотии в лаборатории было интересным, то возможность контролировать силу микробов стала уже восхитительной» [2, с. 8].

Однако на этом этапе ноу-хау Л. Пастера еще не вышло за пределы лаборатории, несмотря на прагматичный интерес различных заинтересованных групп. Третьим шагом французского ученого стало перемещение (перенос) лабораторной науки вновь в поле. Пастер организовал открытый эксперимент (вакцинацию) в крупном масштабе под покровительством сельскохозяйственных обществ и в присутствии СМИ. Предполагалось, что этим экспериментом Пастер решит, прежде всего, их проблемы и проблемы представителей разных социальных движений, а не только свои. Теперь прогноз ученого относительно того, что привитые животные останутся живы, подтвердился и вне лаборатории. Преследуя свои цели, группа Пастера убедила фермеров, ветеринаров, чиновников в том, что вакцинация — это их собственное благо и благо для Франции в целом. «То, что изначально было попыткой лабораторного ученого привлечь к себе интерес, теперь расширяется через сеть, похожую на коммерческую

¹ Здесь и далее перевод книги В. Latour «The Pasteurization of France» выполнен Т. А. Петровой

круговую схему (за тем исключением, что Пастер рассылает вакцину бесплатно), с помощью которой продукт лаборатории распространяется по всей Франции», — заключил Б. Латур [2, с. 12].

Но позволим одну ремарку: здесь Б. Латур представил деятельность Л. Пастера исключительно с рациональных позиций, будто «стратегия была полностью задумана заранее; Пастер продумал ее и во всех деталях просчитал». Однако в «The Pasteurization of France» он по этому поводу заметил: «Следуя совету Толстого², мы можем сказать, что такое описание должно быть ложным. Мы не знаем, что происходило, но мы можем быть уверены, что множество людей принимало участие в работе, и что легкое смещение или «дрейф» их намерений привел их в маленькую деревню, чтобы наблюдать за вакцинированными и невакцинированными овцами, над которыми производились тесты» [1, с. 5]. Таким образом, научная деятельность, по Б. Латуру, не лишена иррационального момента, случайности и предубеждений.

Возвращаясь к статье «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир», констатируем: интерес и вовлечение — это код доступа к организации сети. Через инициирование и удержание интереса гетерогенных групп, привлечение различных организаций, которые инвестируют, предоставляют оборудование и распространяют результаты проектной (исследовательской) деятельности за пределы учреждения образуются научные сети. Всякая сеть

имеет свои сцепления — узлы³, и уникальность Пастера в том, что он грамотно вычислял расстановку сил, умело определял и проходил эти связи — убеждал тех, от кого зависит принятие решений, в несомненной пользе его лаборатории. Он создал мощную и влиятельную сеть, внутри которой сам сделался ключевой фигурой.

Создание сети влечет за собой изменение «структуры социального контекста». Это перемещение, сдвиг науки из лаборатории в те области, где ее раньше не было, замечает Б. Латур, является источником всех инноваций в обществе. Это обобщение представляется принципиальным. Несетевые исследования — это всего лишь лабораторные разработки, они никоим образом не трансформируют социальные практики, в отличие от того, что вышло за пределы лабораторий и дошло до потребителя. В случае Л. Пастера лаборатории устанавливались на фермах, предприятиях пищевой промышленности, в колониальных странах для сохранения жизни белых завоевателей и т.д. Л. Пастер «ввел в жизнь» французского (и не только) общества новый актант⁴ — микроб. Этот ученый превратился в главного эксперта по медицинским технологиям, «через его лабораторию проходили все коммерческие, колониальные и медицинские интересы» [2, с. 19], он занял привилегированную позицию в своей сети, и в обществе целом, которую невозможно было игнорировать, он обладал реальной властью. Как подчеркивал Б. Латур, лаборатории следует рассматривать «как места, в которых об-

² Б. Латур привел фрагмент из «Войны и мира» Л. Толстого — его оценку битвы в Тарутино: «При самом малом напряжении, величайшей путанице и при самой ничтожной потере были приобретены самые большие результаты во всю кампанию». И далее «Ежели в описаниях историков, в особенности французских, мы находим, что у них войны и сражения исполняются по вперед определенному плану, то единственный вывод, который мы можем сделать из этого, состоит в том, что описания эти не верны» [1, с. 4].

³ Поясняя понятие «узла», А.В. Назарчук пишет: «Узлами могут быть объекты, совокупности объектов, пересечения объектов. В социальной теории ими могут являться индивиды, группы индивидов, созданные ими социальные учреждения. Сеть создает формирующиеся между этими объектами связи, иначе бы любой список объектов являлся сетью» [4, с. 41].

⁴ Под актантом мыслится как одушевленное, так и неодушевленное существо. Этот термин Б. Латур перенял из семиотики. См об этом В. Вахштайн [5].

новляются и трансформируются общество и политика», поэтому для социологии науки не существует дихотомии внешнего и внутреннего, макро-и микроуровня, но существуют протяженные сети, распространяющие научные факты. Здесь важно упомянуть еще одно обстоятельство: организация сети становится реальностью, когда, как это ни банально звучит, общество готово к релевантным трансформациям. Л. Пастеру не удалось бы привлечь в свой проект фермеров, чиновников, если бы не было системы здравоохранения, гигиены и статистики, конструирующей ужасающий характер эпизоотии и спасительное воздействие вакцинации.

Итак, можно зафиксировать ключевые взаимосвязанные социальные позиции в организации исследовательской сети: интерес и его культивация, вовлечение в проект гетерогенных групп, обладающих ресурсами, распространение исследований за пределы лаборатории и трансформация социальной ткани, в которую вплетена сеть. Эти характеристики сетевых связей, но сформулированные предельно обобщенно, мы находим и у А.В. Назарчука: «дискретность: узлы должны отделяться друг от друга, чтобы иметь возможность быть связанными; подобие: узлы должны быть подобны в ключевых характеристиках, ...чтобы образовывать связь; близость: узлы должны соотноситься пространственно, географически, присутствовать во времени; взаимность» [4, с. 41]. Достаточно исключить какой-либо ингредиент из этой композиции — и сети не будет. При этом мы сталкиваемся с новыми вопросами: как выстраиваются современные научные сети, включающие фундаментальные и прикладные разработки, организованные в кластеры инновационного развития? Существует ли конкуренция между сетями и как распределяются силы в этой борьбе? Изменяется ли качественно цепочка связи между узлами

сети и насколько модифицированы функции ее акторов?

Сетевое производство знания. Б. Латур обозначил ряд методологических установок, которые следует принять в расчет при анализе сети. Он показал, что наука и общество неразрывны, что развитие исследовательской деятельности «обусловлено состоянием общества, умонастроением многих причастных к науке, ее социально-культурным контекстом» [6, с. 23]. Успех Л. Пастера был инспирирован поражением Франции во франко-прусской войне, желанием сатисфакции, реванша. «Срочно требуется возрождение» — основной слоган ведущего научного журнала Парижа. Есть вызов — и «научное лобби удачно воспользовалось моментом и напало на общество о науке и ее возможностях» [6, с. 23]. Л. Пастер заявил, что «он мобилизует науку как лекарство для излечения от «прусской язвы» [1, с. 16]. На этом примере рождение всякой сети может быть интерпретировано как ответ на общественный, властный призыв, особенно когда речь идет о прикладных исследованиях, инновациях. Рационально организованной и «стерильной», лишенной политических и экономических примесей, науки не существует, ее проект канул в лету вместе с Просвещением. Правительство объявляет приоритетные научные направления, так называемые кластеры инновационного развития (как инновационный центр «Сколково» в Подмосковье), выделяет финансовые ресурсы под исследования и разработки (российский вариант) или инвестирует в них, и исследователи решают поставленные перед ними задачи.

Б. Латур связал воедино инновационную деятельность и сеть. Лаборатория — отправная точка для внедрения результатов технологической деятельности в промышленном масштабе. Но обладаем ли мы надежными инструментами, позволяющими безошибочно диагностировать

наличие сети? Что дает нам основание говорить о тех или иных исследованиях как сетевых или не сетевых? Одним из необходимых признаков сети является распространение научной деятельности за границы лабораторий, ее смещение, сдвиг в повседневные практики. Чтобы убедить кого-то, что эксперимент удался, что техника эффективна, что польза несомненна, одного актора недостаточно. Теория или практика не могут развиваться от одного актора к другому только силой, которую А дает Б. Б должен воспользоваться ею и двинуться далее. «Идея, даже гениальная идея, даже идея, которая спасет миллионы людей, никогда не будет развиваться сама по себе. Она требует силы, чтобы понравиться, ухватиться за свою собственную энергию, развить ее и даже видоизменить ее» [1, с. 15—16]. Это означает, что всякая инновационная деятельность является, по сути своей, сетевой (классический пример — Л.Пастер).

В таком случае возникает вопрос: организация фундаментальных исследований носит сетевой характер или нет? От фундаментального открытия ждать быстрого коммерческого применения нельзя, хотя наблюдается постоянное сокращение временного лага. Например, цифровые фото- или видеокамеры, работающие на фоточувствительных кремниевых матрицах на основе приборов с зарядовой связью. Идея таких приборов была предложена в научной статье, опубликованной в 1969 г. Но на рынке они появились в конце 1980-х, через 15 лет. При этом технология кремниевых полевых транзисторов уже успешно развивалась, и в ее развитие были вложены огромные ресурсы. Другой пример — магнитная компьютерная томография, применяемая теперь в медицине. В ее основе лежит метод ядерного магнитного резонанса, открытый в конце тридцатых годов прошлого века, а сами томографы появились сравнительно недавно [7].

Можно ли говорить о сетевой организации фундаментальных исследований даже тогда, когда они еще не воплотились в прагматический результат вне лаборатории? Или фундаментальные исследования также носят характер сети, но это просто различные уровни ее организации?

Хотя единичный случай не объясняет, а только иллюстрирует обобщение, тем не менее, обратимся к исследованиям наноматериалов — фуллеренов, углеводородных трубок. Их историю рассказал один из авторитетных специалистов в этой области, петербургский ученый из Физико-технического института им А.Ф. Иоффе РАН — А.Я. Вуль в интервью журналу «Наука и жизнь».

Первая публикация о фуллеренах японского ученого Эйджи Осава (Eiji Osawa) появилась в 1970 г. В России исследования фуллеренов ведутся с момента зарождения этой научной проблемы. Классический фуллерен из 60 атомов углерода (похожий на футбольный мяч) был теоретически предсказан в СССР в 1972 г. сотрудниками Института элементоорганических соединений АН СССР (Москва) Д. Бочваром, Е. Гальперн и И. Станкевичем, которые опубликовали результаты своих исследований в Докладах Академии наук. Это была вторая публикация о новой возможной модификации углерода. Первый рисунок в статье Гарольда Крото, Ричарда Смолли и Роберта Керла об открытии фуллеренов появился в журнале Nature в 1985 г. В 1996 г. им присуждена Нобелевская премия.

В 1992 г. по инициативе ученых Санкт-Петербурга все исследования в этой области были объединены в поисковую научную программу, поддержанную Министерством науки, высшей школы и технической политики. Своевременная государственная поддержка привела к созданию в России научного сообщества, в которое вошли признанные в мире кол-

лективы исследователей из Санкт-Петербурга, Москвы, Черногловки, Нижнего Новгорода, Новосибирска и других городов России, работающие по этой тематике. В рамках министерской программы раз в два года, начиная с 1993 г., проходили конференции «Фуллерены и атомные кластеры», превратившиеся в крупнейший международный форум в этой области. На первые же конференции в 1993 г. и 1995 г. в Петербург приехали все основоположники мировой науки о фуллеренах и нанотрубах — Г. Крото, В. Кретчмер с Д. Хаффманом, И. Станкевич из Москвы и Э. Осава с С. Иидзимой (S. Iijima) из Японии. Именно тогда был заявлен высокий уровень российской науки о фуллеренах и родились те контакты, которые позволили успешно интегрировать российское фуллереновое сообщество в мировое. Финансирование в рамках международных проектов сыграло существенную роль в развитии исследований по нанотрубок. Однако их финансирование в США, Европе, Японии и Китае во много раз превышает финансирование аналогичных разработок в России. Начиная с 2002 — 2003 гг. исследования в области нанотрубок стали частично переходить от фундаментальных к прикладным [7].

Является ли данное сообщество исследователей новых материалов сетевым или нет? Обозначим некоторые узловые точки: научные центры России и зарубежья — перспективный проект — привлечение государственного финансирования — СМИ — постепенный и медленный «дрейф» в сторону прикладных разработок и промышленного внедрения. Даже при поверхностном рассмотрении можно заключить, что организация этих фундаментальных исследований по производству нового знания являются сетью. Сеть — это метафора, помогающая визуализировать

«смещения» действий от одного узла, связи, к другому и зримо провести линии связи. Б. Латур заметил, что «в самом простом, но и в самом глубоком смысле, понятие сети используется всякий раз, когда действия должны быть перераспределены» [8]. Случай фуллеренов демонстрирует, что наука («технонаука») делается в редких и дорогих местах, которые связаны между собой и занимают стратегические позиции в данной исследовательской области.

Технонаука — это одновременно творческая деятельность в рамках лабораторий и ее распространение через коммуникационные каналы, активность «концентрированная и одновременно разряженная», что и характеризуется понятием сети. «Слово «сеть» означат, что ресурсы концентрируются в некоторых местах — в узлах и точках, которые соединены друг с другом звеньями и ячейками; эти соединения трансформируют рассеянные ресурсы в сеть, которая, может показаться, распространится повсюду. Телефонные линии, например, мелкие и хрупкие, настолько мелкие, что не видны на карте и настолько хрупкие, что легко могут быть разрезаны; тем не менее, телефонная сеть опутывает весь мир. Понятие сети поможет нам примирить два противоречивых аспекта технонауки и понять, как всего несколько человек могут охватить мир»⁵ [9, с. 180]

Лимитировано или безгранично расширение сети? М. Кастельс, один из классиков сетевого анализа, замечает: сети «как открытые структуры, могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникационные коды» [10, с. 494]. Сеть исследователей фуллеренов является наднациональной, потому что были привлечены огромные ресурсы, включая серьезное межгосударственное

⁵ Перевод работы Latour B. «Science in Action, How to Follow Scientists and Engineers through Society» выполнен Т.А. Петровой

финансирование проекта, была подготовлена социально-техническая инфраструктура, и экспертное сообщество высоко оценило практическую и научную значимость новых материалов.

Современные информационные цифровые технологии способствуют расширению сетей до глобального масштаба, элиминируя расстояние и время («захватывающий эффект»), но одновременно усиливая материальное измерение сетей: GPS нет без трех спутников, а банковской паники — без Reuters.

Итак, зафиксируем несколько моментов, являющихся ключевыми для экспансии сети: материальный ресурс, инфраструктура, качество проекта и его общественная востребованность. Если хотя бы один из пунктов «заблокирован», то разрастание сети невозможно. Примером сети, не вышедшей за границы локального, можно считать развернутую в СССР деятельность Т.Д. Лысенко. Созданная им сеть обладала некоторыми из указанных признаков — материальным ресурсом и инфраструктурой, создаваемыми властью, общественной востребованностью, вытекающей из необходимости накормить страну. Но что явно не соответствовало требованиям, предъявляемым к научным сетям, так это научное *качество* проекта. Оно не давало возможности решить социально значимые задачи. Можно предположить, что именно эта особенность «лысенковской» локальной сети не позволила ей приобрести глобальный характер. Иными словами, истина, производимая в рамках данного коммуникационного кода, не являлась таковой для других потенциальных узлов.

Лысенкоизм в качестве научной сети просуществовал несколько десятилетий, но даже лишенный материальной и идейной поддержки, создаваемой властью, не канул в лету. В связи с этим сетевым феноменом возникает вопрос — можно ли

элиминировать сеть? Если «да», то какими инструментами? Каким образом происходит вытеснение сети? Если у Т. Куна развитие науки объясняется сменой парадигм, а выбор одной теории из нескольких соревнующихся обусловлен не научной истиной (ее просто невозможно обосновать), а иными обстоятельствами — идеологическими соображениями, групповыми интересами, предубеждениями, — то у Б. Латура развитие знания обеспечивается конкуренцией сетей, к которой также не применимы понятия научной обоснованности и истинности. Ситуация с Лысенко убедительно иллюстрирует, что в современном обществе главным вопросом «является не то, что есть наука, а кто решает, что есть наука». Этим «кто» может быть вовсе не ученый...» [6, с. 23]. Несмотря на институционализацию и стремление формализовать все звенья цепи (экспертные советы, государственные фонды финансирования, венчурные фонды, частные компании), исследовательская деятельность не лишена «случайностей», особенно это касается R&D в странах с высоким индексом корумпированности и низким уровнем публичной открытости. Чтобы обезопасить себя от случайных акторов, создают различные «правила входа» в научные сети, подобные платоновскому требованию: «Не геометр да не войдет!» Это вхождение в исследовательские сети представляет собой разновидность ритуала: необходимо обладать «символами» научной активности (дипломом, рекомендациями именитых профессоров, статьями) и поддерживать своего рода «обряды» — участвовать в конференциях, платить взносы и т.п. Однако и это не исключает появления новых «Лысенко», за которыми стоят влиятельные политические фигуры, и возможности миновать научное экспертное сообщество, а оно, впрочем, также не находится в вакууме.

За всем прежде сказанным скрывается вопрос об эпистемологической значимости концепта «сети», отсутствие ответа на который делегитимирует весь дискурс. Что объясняет данная метафора («сеть»), а также целый шлейф связанных с нею новых терминов «смещение», «дрейф», «перераспределение», «актант», «актор» и других? Первое. Сеть — это ряд вещей, сцепление действий, напоминающей сетку (Международное общество средневековых исследований, Центр изучения средневековой культуры, РОС, Европейская социологическая ассоциация и т.д.). Второе, и самое важное: концепт сети — это определенный режим исследования, позволяющий обнаруживать новые связи и элементы там, где они прежде были скрыты, регистрировать вокруг любого вещества развертывание его атрибутов. Б. Латур сравнивает свой метод с работой счетчика Гейгера, делающего для исследователя видимым невидимое. В определенной мере при серьезных различиях в исходных позициях подход Б. Латура обнаруживает сходство с «археологией» М. Фуко, который дискурсивные практики рассматривает как важнейшую предпосылку для конституирования науки. С помощью сетевого метода то, что прежде выказывало себя как автономное существо, преобразуется в то, что существует через союзников, пособников, помощников. Б. Латур замечает: все верили, что «Principia Mathematica» И. Ньютона была написана автономным, изолированным, бестелесным разумом. Но вдруг обнаружили, что Ньютон больше похож на паука в центре огромной сети, которая охватывает все возможные типы переноса и передачи информации из различных точек мира. Ньютон «достигает звезд, потому что является центром огромной империи информации» [8]. Эта техника исследования из области науки и технологий была импортирована в другие сферы.

Невидимые связи: особенности академического сообщества в России. Используя сетевой подход к анализу академических сообществ, можно обнаружить, что фактически всякая лабораторная и образовательная активность раскрывается через комплекс акторов, переносящих информацию и перераспределяющих действия, устанавливающих невидимые связи и конструирующих альянсы. Изменения, затрагивающие организацию российского научного сообщества в последнее время, способствуют расширению профессиональных коммуникаций и экспансии сети в сторону глобальности. Работа в рамках исследовательского проекта (различные программы, поддержанные фондами, Президиумом РАН, Национальными исследовательскими университетами и т.д.), привлечение зарубежной профессуры к созданию лабораторий, появление Открытого университета в Сколково, сам проект Сколково и т.д. — все это указывает на сетевой характер в деятельности исследовательских коллективов, приобретающий международный масштаб. Этому способствует также повышение плотности коммуникационных контактов, детерминированное новыми информационными технологиями.

Ретроспективный анализ научного феномена представляется делом непростым, как и исследование современных организационных форм производства знания. Сегодня к наиболее распространенным формам организации сетевых взаимодействий территориально рассредоточенных акторов относят работу по гранту, когда к выполнению задания часто привлекаются «внешние» сотрудники из различных научно-образовательных учреждений. Руководитель проекта — как правило, лидер, контролирующий исследовательскую деятельность. Очень часто сетевые коммуникации описывают как горизонтальные, лишенные иерархического порядка, стро-

ящиеся на доверии и инициативе. Если исходить из методологии, предложенной Б. Латуром, то можно заключить, что нет оснований для подобных однозначных генерализаций, ведь даже Интернет-коммуникация не исключает вертикальных типов связи [11]. Но, в целом, сетевые структуры настроены на горизонтальные связи, которые «обеспечиваются широким разнообразием контактов, идей, инициатив, планов, что стимулируется в децентрализованных структурах обилием используемых каналов коммуникации: семинаров, конференций, электронной почтой, традиционными публикациями и телефонной связью» [12, с. 271].

Следует очертить ряд проблем в организации деятельности научных коллективов, имеющих отношение к сети. Начиная с 2012 г., исследовательские коллективы институтов РАН получают финансирование от государства под заявленный ими проект, реализуемый в течение трех лет. Схематично это выглядит так: научная группа — Президиум РАН — государственное финансирование. Руководитель проекта не может сам набирать исполнителей, исполнители — это штатные сотрудники, работающие в секторе. Менеджеры «делают шаг» к тому, чтобы научный коллектив становился главным звеном в производстве нового знания, но, это, по сути, паллиатив, поскольку руководитель коллектива не может привлекать «внешних» исследователей, что не способствует расширению сети.

Одним из узлов в реализации научного проекта является фонд. Начиная с 2012 г. ни РГНФ, ни РФФИ не поддерживают сетевые проекты в виде участия в

международных конференциях, где устанавливаются наднациональные контакты (особенно в их кулуарах), способствующие смещению исследований в сторону глобальности. Невозможно разумно обосновать это решение, ставшее серьезным препятствием для интенсификации научной мобильности. Виртуальные контакты, при всей их значимости, не заменяют ценность непосредственного общения. По этому поводу Р. Кист и М. Мэнделл замечают: «неформальная власть, основанная на межличностных контактах, может быть важнее, чем формальное влияние. Сетевые структуры опираются, прежде всего, на обмен на основе межличностных отношений» [13, с. 364].

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство из жизни фондов. Рациональная организация научного сообщества должна предполагать, что члены Совета Фонда и члены его Бюро не могут быть руководителями и исполнителями проектов, подаваемых на конкурс. В российской действительности это правило не работает, провоцируя тем самым появление другой сети, «теневой». Не действует и общеизвестное рациональное требование — предоставлять заключение экспертов. Реализацию поддержанного проекта тормозит его полугодовая экспертиза и позднее финансирование, которое начинается обычно осенью, значительно сокращая время на его воплощение. Можно констатировать, что организация научной среды в России носит сетевой характер, однако проводящаяся научная политика порой не способствует расширению сетей и приводит к формированию «теневых», «неформальных» сетей.

Заключение

В последние десятилетия в обществе происходят определенные процессы, связанные с формированием глобально-информационных систем, транснациональных потоков, разного рода «мобиль-

ностей». Технологически социальные отношения выстраиваются по типу коммуникаций во «всемирной паутине».

Методологическим основанием концепта сети служат исследования Б. Латура,

эксплицирующие социальную морфологию сети. Сеть понимается в двух аспектах: как ряд вещей, сцепление действий, напоминающих сетку и как определенный режим исследования, позволяющий обнаруживать новые связи и элементы там, где прежде они были скрыты, регистрировать вокруг любого вещества развертывание его атрибутов.

Эта техника исследования из области науки и технологий была импорти-

рована в другие сферы. Сетевой подход позволяет обсуждать ряд проблем эпистемологического характера: о генезисе знания, особенностях организации прикладных и фундаментальных разработок, о некоторых предубеждениях, в частности, дихотомии науки и общества, вьезшихся в наш язык. Разумеется, статья не претендует на исчерпывающие ответы, она — приглашение к обсуждению обозначенных вопросов.

1. Latour B. The Pasteurization of France / B. Latour. — Cambridge (Mass.), London: Harvard University Press, 1988.
2. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Б. Латур // Логос. — 2002. — № 5 — 6 (35). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/35/10.pdf> (дата обращения: 12 февраля 2012 г.)
3. Эрли С. О теории акторов и сетей Б. Латура / С. Эрли // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. — СПб.: СПбГТУ, 1998. С. 30 — 35.
4. Назарчук А.В. О сетевых исследованиях в социальных науках / А.В. Назарчук // СОЦИС. — 2011. — №1. — С. 39 — 51.
5. Вахштайн В. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории / В. Вахштайн // Социология вещей. Сб. статей / [Под ред. В. Вахштайна]. — М.: Изд. дом «Территория будущего». — 2006.
6. Петрова Т.А. Наука как форма культурных коммуникаций / Т.А. Петрова // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. — СПб.: Гидрометеоиздат, 2003. С. 17 — 26.
7. Вуль А.Я. Интервью / А.Я. Вуль // Наука и жизнь. — 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkj.ru/interview/27/> (дата обращения 1 марта 2012 г.)
8. Latour B. Networks, Societies, Spheres: Reflections of an Actor-network Theorist / B. Latour. — 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/121-CASTELLS-GV.pdf> (дата обращения: 17 апреля 2012 г.)
9. Latour B. Science in Action, How to Follow Scientists and Engineers through Society / B. Latour. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1987.
10. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / М. Кастельс. [Под редакцией В.Л. Иноземцева]. — М.: Academia, 1999. С. 494 — 505.
11. Агитон К. Сетевые сообщества и будущее Интернет-технологий / К. Агитон. — 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2007/05/31/web/> (дата обращения 14 марта 2012 г.)
12. Кулакова Т.А. Политика изменений: административные реформы и взаимодействие государства и общества / Т.А. Кулакова. — СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та. — 2011.
13. Keast R., Mandell M.P., Brown K., Woolcock G. Network Structures: Working differently and changing expectations / R. Keast, M.P. Mandell, K. Brown, G. Woolcock. — Public Administration Review. — 2004. — Vol. 64. — №3. — P.361 — 376.

Получено 15.02.2013

Н.О. Ащеулова, С.О. Душина, В.М. Ломовицька

Мережа як форма організації академічної спільноти: російський контекст

Продемонстровано мережевий характер наукової діяльності. Представлено соціальну морфологію дослідницької мережі, методологічним підґрунтям якої є дослідження Б. Латура. Використовуючи мережеву методологію для аналізу російського академічного співтовариства, автори обговорюють низку проблем епістемологічного характеру: про генезу знання, критерії істинності, особливості організації прикладних і фундаментальних розробок.